

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СТОЛЕТИЕ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ!

Искусство нового мира

Каждое время имеет свои ценности и ориентиры, каждое поколение по-разному их воплощает. Полотна живописцев и архитектурные ансамбли говорят об эпохе не меньше, чем сухие факты учебников. Сама суть искусства передает то, чего не могут передать цифры и сводки — настроение людей, их мечты, стремления, мысли.

Говорить от лица своего поколения и находить во множестве частностей историческое целое непросто. Именно поэтому искусство всегда было в определенном смысле смелой попыткой выйти за грани привычного мира, будь то древнерусский собор или Венера эпохи Возрождения — преодоление условностей двигало творцами с незапамятных времен.

И все же определенные рамки сковывали мир искусства на протяжении долгих веков. Представление об элитарности, недоступности прекрасного для «презренной толпы», к примеру, господствовало еще относительно недавно. В царской России «вальсы Шуберта и хруст французской булки» были доступны весьма небольшому числу населения. Даже Серебряный век, привнесший в мир искусства, без сомнения, немало нового, протекал фактически в узких кругах представителей искусства. «Башня из слоновой кости» — именно так было название одного из самых известных литературных салонов начала XX века, и оно прекрасно характеризует тот период. Искусство существовало для себя и «в себе». Примечательно, что даже правящие круги относились к культурным явлениям довольно равнодушно — если, конечно, дело не доходило до крамолы.

Великая Октябрьская социалистическая революция, прогремевшая на весь мир, была революцией не только политической, но и культурной. Октябрь стал первым рубежом, чистой страницей начинавшегося нового искусства — искусства для человека и о человеке. На смену болезненной бледности салонов пришел здоровый румянец улиц — революционный авангард.

Революция выдвинула лозунг: «искусство — народу». Прежняя замкнутость была разрушена, массы впервые получили широкие возможности не просто для приобщения к искусству, но и для собственного творчества. В студиях Пролеткульта, которые не прекращали свою работу даже во время Гражданской войны, приходили все новые и новые люди, многие из которых со временем

добились всемирного признания. Из Пролеткульта вышли Сергей Эйзенштейн, Иван Пырьев, Григорий Александров, Александр Афиногенов, Алексей Попов, Максим Штраух, Алексей Арбузов, Эраст Гарин.

Высокая культура, недоступная, по мнению царской интеллигенции, народу, была не только понята, но и переосмыслена. В стране одна за другой появились театральные студии. Не все из них стали профессиональными театрами — слишком многие создавались на чистом энтузиазме рабочих и не имели никакой материальной базы. И все же именно в это время возникли Большой драматический в Ленинграде, Театр им. Вс. Мейерхольда, Театр им. Евг. Вахтангова, Московский театр им. Моссовета и первый в России детский театр.

Талантливая молодежь пришла и в литературу. Только с 1920 по 1926 год были впервые изданы произведения таких мастеров советской литературы, как Вениамин Каверин, Николай Тихонов, Николай Асеев, Лидия Сейфуллина, Александр Жаров, Леонид Леонов, Михаил Шолохов, Александр Фадеев, и еще более 150 писателей.

В Москве и Петрограде появляются десятки новых памятников — Марксу, Робеспьеру, Марату, Степану Разину, Гейне... Творческая жизнь бурлит, невзирая на тяготы военного времени.

Новое время требовало новых форм и новых идей. Окрыленное идеей свободы и равенства, общество жило в предвкушении нового мира — мира идеального, но, в отличие от обещанного прежде церковниками, вполне земного. И этот рай на земле создавался человеком — рабочим человеком, его мечтами, его руками и теми машинами, которые подчинялись его воле.

Рождается новая творческая концепция — концепция производственного искусства. Все — от столовой ложки до огромного города — должно быть современным и прогрессивным. Все должно нести пользу, славу человеку и его работу, искусство же — не праздные чаепития, а прикладной и очень полезный труд. Человек всецелен, он может изменить мир — с такими идеями искусство нового мира выходит за пределы Советской России и распространяется за рубежом... Творческая группа «Уновис» («Утвердители нового искусства») — общество учеников Казимира Малевича, существовавшая в начале 20-х годов, — выступает с программой, гласящей, что

супрематизм должен сыграть роль мировой революции и распространиться по всему миру, став универсальным языком. Не только Россия, но и целый мир вынуждены признать — родилось новое направление в искусстве, которое уверенно заявляет свои права. Супрематические и конструктивистские ткани, фарфор, одежда, типографика, книги, фотография и, конечно же, знаменитый советский плакат — все это становится крупным вкладом молодой республики в копилку мировой культуры.

Интересно, впрочем, что при схожих взглядах на мир будущего, мир настоящего воспринимался творцами нового искусства по-разному — так, например, конструктивистские предметы несли в себе разумную функциональность: посудой можно было пользоваться, а в домах — жить и работать. А вот супрематические вещи, созданные теми же членами «Уновис» или даже самим Малевичем, не были удобными в пользовании, а иногда и вовсе не имели практического применения. Полушарки Малевича по своей сути мало чем отличались от его проектов небоскребов: все это окажется понятным будущим поколениям, но не ныне живущим.

Гражданская война, голод, разруха — и в то же время небывалый подъем. В 1921 году художник Константин Юон, который ранее был известен тихими и умиротворяющими пейзажами, создает необычную картину — «Новая планета». В лучах невидимого светила поднимается красный шар — и к нему вздымают руки толпы крошечных человечков. Надежда, смешанная с тревогой, ощущение себя частью великого будущего — такого прекрасного и такого непонятного — что же ждет впереди? В конце десятилетия Александр Дейнека пишет «Оборону Петрограда», где в верхней части картины по мосту возвращаются с фронта раненые бойцы, а в нижней идет шеренга красноармейцев. Потому что новый мир, конечно, требует жертв. Но он будет самым прекрасным миром. И за него необходимо бороться.

Анастасия Лешкина

Иллюстрации:

Константин Юон. «Новая планета». 1921 год
Александр Дейнека. «Оборона Петрограда». 1928 год
Сергей Конёнков у памятника Степану Разину. 1919 год
Открытие памятника Робеспьеру в Москве. 3 ноября 1918 года

Ленин глазами великих современников

Ромэн Роллан — талантливый французский писатель: «... Питаю к Ленину чувство крайнего восхищения. Я не знаю другой столь же могучей личности в Европе нашего века. Он так глубоко, так мощно направил руль своей воли в хаотический океан мягкотелого человечества, что борозда его долго-долго не изгладится в волнах. Несмотря на все бури, корабль несется на всех парах к новому миру... Никогда еще человечество не создавало властителя дум и людей столь же абсолютно бескорыстного. Еще при жизни он вылил свою моральную фигуру в бронзу, которая переживет века».

Бернард Шоу — английский драматург: «...Если будущее будет таким, каким его предвидел Ленин, тогда мы все можем улыбаться и смотреть в будущее без страха. Однако... если мир будет упорствовать в сохранении капиталистического развития, тогда я должен с большой грустью проститься с вами, мои друзья».

Теодор Драйзер — американский писатель: «...Русский народ, освобожденный Лениным, никогда не допустит, чтобы его снова превратили в раба. Он будет бороться, проникнутый духом Ленина. В исходе этой борьбы я не со-

мневаюсь: Ленин, его Советское государство восторжествуют. Каков бы ни был ближайший исход этой борьбы, Ленин и его Россия, гуманность и справедливость, которые он внес в управление страной, в конечном счете победят. Ибо хотя Ленина уже нет в живых, но социальный строй, который он создал и который его соратники и преемники с тех пор привели к нынешней мощи и величию, навсегда останутся для будущих поколений».

Бертран Рассел — английский математик, философ и политик: «Можно полагать, что наш век войдет в исто-

рию веком Ленина и Эйнштейна, которым удалось завершить огромную работу синтеза: одному — в области мысли, другому — в действии. Ленин казался мировой буржуазии разрушителем, но не разрушение сделало его известным. Разрушить могли бы и другие, но я сомневаюсь, нашелся ли бы хоть еще один человек, который смог бы построить так хорошо заново... Государственные деятели масштаба Ленина появляются в мире не больше, чем раз в столетие, и вряд ли многие из нас доживут до того, чтобы увидеть равного ему».